

© 2016 г.

М.В. КОВАЛЕВ

ЕВГЕНИЙ ФРАНЦЕВИЧ ШМУРЛО: РУССКАЯ ИТАЛЬЯНИСТИКА В ЭМИГРАЦИИ

В истории русской науки об Италии профессору Евгению Францевичу Шмурло (1853–1934) принадлежит особое место¹. Четверть своей жизни он провел в этой стране, и она стала для него второй Родиной. В отличие от старших и младших современников – А.Н. Веселовского, М.С. Корелина, И.М. Гревса, Л.П. Карсавина, Н.П. Оттокара – Е.Ф. Шмурло никогда собственно итальянской историей не занимался. Сферой научных изысканий он избрал прошлое русско-итальянских культурных и политических связей, став одним из первопроходцев в изучении этой темы. К ней он пришел через стремление осмыслить взаимоотношения России с католической Европой в Новое время. Еще при жизни Е.Ф. Шмурло заслужил признание своих ученых заслуг, выразившееся, в частности, в избрании его членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук в 1911 г.

Интерес Е.Ф. Шмурло к европейской истории, к католической церкви корнями уходил в прошлое его семьи, имевшей польское происхождение. Отец историка – Франц Иосифович Шмурло, полковник императорской армии – до конца жизни оставался убежденным католиком, хотя и его жена, и его дети были православ-

Ковалев Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект “Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности” (№ 15-18-00135). Автор сердечно благодарит старшего научного сотрудника Архива РАН В.Г. Бухерта, ознакомившегося с рукописью статьи и сделавшего ценные замечания.

¹ Подробнее о жизненном пути и научном творчестве Е.Ф. Шмурло см.: *Саханев В.В.* Евгений Францевич Шмурло. Биографический очерк. – Записки Русского исторического общества в Праге, кн. 3. Прага Чешская – Нарва, 1937; *Демина Л.И.* “Записки” Е.Ф. Шмурло об историках Петербургского университета (1889–1892). – Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1985; *ее же*. “Автобиографические заметки” Е.Ф. Шмурло о его научной деятельности в Италии (1903–1924 гг.). – Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994; *ее же*. Евгений Францевич Шмурло. – *Шмурло Е.Ф.* История России. 862–1917. М., 2001; *Демина Л.И., Мохначева М.П.* Личный фонд Е.Ф. Шмурло и проблема информационных полей истории Отечества в творчестве ученого. – Вестник архивиста, 1994, № 3; *Ефимов С.В.* Российский историк Евгений Францевич Шмурло и его неизданная монография “Петр Великий: от колыбели до Великой Северной войны”. – Ораниенбаумские чтения. Вып. I (Эпоха Петра Великого). СПб., 2001; *Боже Я.В.* “Римские каникулы” Е.Ф. Шмурло. – Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении. М., 2002, с. 50–51; *его же*. Жизнь и научная деятельность Е.Ф. Шмурло. Челябинск, 2004 (автореф. канд. дисс.); “Это праздник не одного только города, но и всей Русской земли: Е.Ф. Шмурло о 200-лети Петербурга. 1903 г. Публ. С.И. Горелова. – Исторический архив, 2003, № 2; *Ковалев М.В.* Петровская эпоха в научном наследии Е.Ф. Шмурло. – Новый век: история глазами молодых, вып. 5. Саратов, 2006, и др.

ными². Очевидно, что Е.Ф. Шмурло не забывал о своем польском происхождении, хотя нигде и никогда его не подчеркивал. Вторым важным моментом, определившим будущее научное увлечение, была учеба в Екатеринбургской гимназии. Известно, что после подавления Польского восстания 1863–1864 гг. многие его участники были сосланы в глубь России, в том числе и на Урал. Немало поляков стало гимназическими учителями. Именно они привили Е.Ф. Шмурло интерес к европейской истории и культуре, благодаря им он “на всю свою жизнь стал несомненным европейцем не только во взглядах, но и во всех проявлениях своей жизни”³. Безусловное влияние на интересы Е.Ф. Шмурло оказала общественно-политическая обстановка в России, наполненная нескончаемыми спорами о цивилизационной принадлежности страны и путях ее дальнейшего развития. Не будем забывать, что в русской общественной мысли вопрос о взаимоотношениях православия и католицизма всегда был одним из самых злободневных. Живой интерес к нему легко объяснить непосредственной связью этого вопроса с другой животрепещущей темой – Россия и Запад. Московский историк С.Г. Яковенко подчеркивал, что в своем творчестве Е.Ф. Шмурло развивал то направление гуманитарной мысли, “которое выросло и окрепло под влиянием споров славянофилов и западников”. Их острая полемика, несомненно, оказала влияние на выбор научной темы ученого – Восток и Запад в русской истории XVI–XVII вв., эпоха петровских преобразований, православная Россия и католическая Европа⁴.

Но едва ли не самое большое воздействие на Е.Ф. Шмурло оказали его многочисленные путешествия, совершаемые на протяжении всей жизни. В научных командировках он проводил значительную часть времени. Сам ученый не раз в шутку признавался, что “ему следовало быть Пржевальским или Грум-Гржимайло, а не кабинетным исследователем, кропотливо раскапывающим архивы”⁵. Решающую роль в его научной биографии сыграло посещение Италии. Впервые он побывал там в 1880 г., когда с небольшой суммой денег в 367 рублей в вагоне третьего класса отправился в путешествие по Европе, желая через Вену и Мюнхен проехать в Северную Италию, а оттуда – в Швейцарию. Е.Ф. Шмурло стремился познакомиться с итальянским искусством, особенно с творчеством Джотто. Милан, Павия, Генуя, Флоренция, Падуя и Венеция оставили неизгладимый след в его душе. Эта поездка определила его любовь и привязанность к Италии. Современники отмечали, что Е.Ф. Шмурло был просто “отравлен” этой страной и ее культурой⁶. Именно в Италии, по выражению П.Н. Милюкова, Е.Ф. Шмурло “нашел способ соединить требования своей поэтической натуры с требованиями природы научной”⁷.

В 1886 г. историк вместе со своим другом поэтом И.Ф. Анненским второй раз посетил Италию, снова побывав в Венеции, Падуе и Флоренции, а кроме того, в Риме, Неаполе, Сорренто и на Капри. Целью поездки было более глубокое знакомство с итальянскими музеями⁸. Он настолько увлекся итальянским искусством, что по возвращении в Россию организовал в петербургской гимназии М.Н. Стоюниной кружок по его изучению. Педагог О.В. Синакевич, а в начале 1890-х годов – гимназистка, вспоминала, как Е.Ф. Шмурло устраивал ученикам экскурсии в Эрмитаж для ознакомления с творчеством художников итальянского Возрождения⁹.

² Ефимов С.В. Указ. соч., с. 238; Брачев В.С. Е.Ф. Шмурло как историк. – Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. Т. 1. Возникновение и образование русского государства. СПб., 2000, с. 525.

³ Саханев В.В. Указ. соч., с. 29.

⁴ Яковенко С.Г. Евгений Францевич Шмурло и Русское историческое общество в Праге. – Европейский альманах. М., 1993, с. 69.

⁵ Саханев В.В. Указ. соч., с. 34.

⁶ Там же, с. 35.

⁷ Милюков П.Н. Три поколения. – Записки Русского исторического общества в Праге, кн. 3, с. 14.

⁸ Саханев В.В. Указ. соч., с. 35.

⁹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ), ф. 163, оп. 1, д. 316, л. 74–74об.

В личном фонде Е.Ф. Шмурло в Государственном архиве Российской Федерации сохранилось немало документов о связи историка с Италией. Среди них значительный интерес представляют его искусствоведческие заметки, созданные в 1890–1910-х годах и отражающие эстетические вкусы ученого¹⁰. Е.Ф. Шмурло не был профессиональным искусствоведом и не писал специальных работ по истории итальянского искусства. Его наблюдения ограничивались лаконичными зарисовками, но все они свидетельствуют о творческой натуре историка, способного глубоко понимать искусство и анализировать художественные образы. Подтверждением служат его впечатления о творениях знаменитых мастеров. Так, в неаполитанском монастыре Сан-Мартино он был потрясен картиной Хусепе де Риберы “Снятие с креста” (“Как весь он в смерти глубокой, задумчивой: и сколько истинной, не показной скорби в выражении Богоматери с скрещенными пальцами; а Он на полу, поддерживаемый, но с склоненной головой”¹¹), русский ученый ловил “нервное и прекрасное” в творчестве Сандро Боттичелли¹², был зачарован живописью Тинторетто (“В Палаццо Дукале точно волнующееся море: все в движении – то поднимается, то повышается. Вот уж поистине полная противоположность той неподвижности, какую видишь у первоначальных венецианцев”¹³). Оценивая творчество итальянских художников, Е.Ф. Шмурло акцентировал внимание на том, что каждый из них являлся продуктом своей эпохи, неповторимой культурной среды.

Ученого интересовала историческая динамика развития итальянского искусства. Для него, например, было важно уяснить связь венецианского искусства с византийскими традициями, франко-немецкое влияние на ломбардцев, “норманно-византийско-арабский характер” архитектуры Южной Италии¹⁴. Задача истории искусств, по его мнению, состоит в изучении последовательности стадий развития художественного творчества, уяснении связи одной стадии с другой, внутреннего содержания каждой из них. Для него правильное представление о художественном произведении невозможно без эстетической оценки. Лишь после этого, считал он, можно представить, какое место занимает художник в ряду своих современников, какие условия определили его творческое лицо, какой смысл он вкладывал в свои произведения¹⁵.

Но влекли Евгения Францевича не только музеи и памятники искусства. Он никогда не забывал о своих прямых обязанностях, и поэтому каждая поездка была сопряжена с научными поисками. Е.Ф. Шмурло был одним из первых представителей русской науки, начавших систематически работать в итальянских архивах. Его друг и коллега профессор А.Н. Фатеев задавался вопросом: “Что же влекло русского историка в *Acta congregationum, diaria varium collegium, avisi nunciaturum, letteri* и проч., где, по отношению к его родине, *maledetto* превyšало *benedetto*?”¹⁶. Ответ на него кроется в специфике понимания Е.Ф. Шмурло всемирно-исторического процесса и места в нем России. Для него она являлась неотъемлемой частью европейского христианского мира, а поэтому важно было вписать ее историю в ход истории всемирной. Е.Ф. Шмурло подчеркивал, что Россия всегда находилась в сфере внимания католического Рима и, следовательно, в его архивах накопилось огромное количество документов, важных для изучения российского прошлого. Еще в 1891 г. в “Журнале Министерства народного просвещения” Е.Ф. Шмурло издал перевод рассказа флорентийского

¹⁰ Некоторые из этих записок Е.Ф. Шмурло были опубликованы В.П. Корзун и В.Ю. Волошиной: *Шмурло Е.Ф. [Заметки об итальянской живописи]. – Мир историка. XX век. М., 2002; его же. [Искусство Италии]. – Там же.*

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 5965, оп. 1, л. 8.

¹² *Шмурло Е.Ф. [Заметки об итальянской живописи], с. 457.*

¹³ ГАРФ, ф. 5965, оп. 1, л. 10.

¹⁴ *Шмурло Е.Ф. [Искусство Италии], с. 461.*

¹⁵ Там же, с. 463.

¹⁶ *Фатеев А.Н. Два историка и два построения русской истории. – Записки Русского исторического общества в Праге, кн. 3, с. 7.*

купца Джованни Тедадьди о России времен Ивана Грозного, который обнаружил и опубликовал на языке оригинала П. Пирлинг¹⁷. Вероятно, тогда же историк убедился в необходимости самостоятельной работы в итальянских архивохранилищах.

Интерес Е.Ф. Шмурло имел и объективные причины. В 1881 г. Ватиканский архив открылся для исследователей. В Рим потянулись ученые из всех европейских стран. Они основали там несколько научных институтов и комиссий. В 1881 г. был открыт Австрийский исторический институт, в 1875 г. – Французская школа, в 1888 г. – Прусский исторический институт, в 1902 г. – Бельгийский и Голландский исторические институты. Кроме них существовали специальные исторические комиссии, созданные испанцами, венграми, финнами, швейцарцами, датчанами, шведами, чехами и поляками¹⁸.

Начало регулярной работе Е.Ф. Шмурло в итальянских архивах положила его примечательная поездка в Падую в 1892 г., куда он был приглашен как представитель Юрьевского университета для участия в торжествах, посвященных Галилео Галилею. В архивах этого города он обнаружил уникальные материалы о П.В. Постникове, видном дипломате петровской эпохи. Они легли в основу биографического исследования об этом неординарном государственном деятеле¹⁹. Из Падуи историк отправился в Венецию, где разыскал документы о приготовлениях сената республики к так и не состоявшемуся приезду Петра Великого, а также неизвестную грамоту царя венецианскому дожу. Он собрал сведения о волонтерах, посланных Петром в Италию, изучил донесения о России венецианского посла в Польше, скопировал документы о приеме русских дипломатов дожами, а также грамоту Ивана Грозного венецианскому правителю²⁰.

Затем последовала поездка историка в Рим, где в Ватиканском архиве он изучал депеши варшавского нунция, документы о приеме в Риме русских посланников XVII в. П. Менезия, Б.П. Шереметева и др. Тогда же он предпринял первую попытку получить доступ к Архиву Конгрегации пропаганды веры, но получил отказ. Конгрегация пропаганды веры (*Sacra Congregatio de Propaganda Fide*) была создана в 1622 г. по решению папы Григория XV. Ее главной задачей являлась подготовка миссионеров и распространение католического вероучения, которое, как известно, было связано с политическими задачами Рима. Этот факт и объяснял закрытость архива для исследователей. Евгений Францевич понимал, что в этом собрании находятся уникальные документы, проливающие свет на многие аспекты римской политики по отношению к России²¹, и поставил перед собой цель во что бы то ни стало познакомиться с ними. Исполнение его желания осуществилось не скоро.

В 1890-е годы окончательно сформировался интерес Е.Ф. Шмурло к истории русско-итальянских отношений в XVI–XVIII вв. В своем отчете о работе, представленном руководству Юрьевского университета, он подчеркивал, что дальнейший успех исследований будет зависеть от продолжения работы в архивах Рима и Венеции. В связи с этим он обратился с просьбой к Совету университета дать ему командировки в Италию в течение летних каникул и осеннего семестра 1893/1894 г. “Занятия свои... в Иезуитском архиве в Риме, – писал он, – я намерен сосредоточить на эпохе Петра Великого (последние десятилетия XVII и первые XVIII столетия), именно на сношениях русско-

¹⁷ Шмурло Е.Ф. Известия Джованни Тедадьди о России времен Иоанна Грозного. – Журнал Министерства народного просвещения, 1891, № 5.

¹⁸ Яковенко С.Г. Евгений Францевич Шмурло и Русское историческое общество в Праге, с. 71.

¹⁹ Шмурло Е.Ф. П.В. Постников. Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894.

²⁰ Саханев В.В. Указ. соч., с. 49.

²¹ Научное значение Архива Конгрегации пропаганды веры Е.Ф. Шмурло не раз подчеркивал в своих работах. Рассказу о нем он посвятил доклад, прочитанный на Международном конгрессе исторических наук. См. Шмурло Е.Ф. Архив Конгрегации пропаганды веры и его значение для русской истории. Доклад Е.Ф. Шмурло на V Международном конгрессе историков в Брюсселе. 1923 г. – Исторический архив, 1997, № 5–6.

го и Римского Дворов по вопросам церковным. Пропаганда католичества в пределах тогдашней России; распространение унии в Польше; меры Русского правительства для противодействия этим явлениям; вытекающие отсюда отношения к Папскому и Польским правительствам – вот основная тема моих предстоящих работ. Занимаясь истекшею зимою в архивах и библиотеках Рима, я убедился, что в иезуитском архиве хранится целая серия документов, непосредственно относящихся до избранной мной темы”²².

Разрешение Е.Ф. Шмурло получил и вновь отправился в любимую им Италию. При посредничестве министра-резидента в Ватикане А.П. Извольского он в очередной раз просил допустить его в Архив Конгрегации пропаганды веры, но вновь получил отказ от польского кардинала, курировавшего это собрание. Работа в архивах была весьма нелегким занятием. Иногда Е.Ф. Шмурло нанимал помощников – переписчиков документов, заказывал копии, но чаще всего трудился сам. О своих нелегких буднях он рассказывал в письме к другу, М.А. Дьяконову: “Судите сами. В 7 ч. меня будят, в 8½ я, успев напиться кофе, доехать на конке до Св. Петра, до дверей Ватиканского архива, где (не у дверей, впрочем) по примеру остальных 40–50 коллег сижу, не разгибая спины, помня, что в 11¾ звонок безжалостно прервет наше занятие. Перехожу в Библиотеку Ватиканскую, открытую до 12¾, где тоже есть кой-какие рукописи. С 1 до 4 сижу в библиотеке Corsini, где тоже малая толика перепадает. С 4 до 9 ч. обед, газеты, книги, кои я достаю из здешней Национал[ьной] биб[лиоте]ки, благодаря поручительству посольства – на дом, далее: разные лекции, платные и даровые, которых здесь оч[ень] много – хожу, чтобы набить ухо к живой итал[ьянской] речи – ну, а в 9 часов хочется и на покой. И очень часто в 10 часов у меня уже погашена свеча”²³.

Новая поездка в Италию в 1897 г. убедила Е.Ф. Шмурло в необходимости учреждения в Риме русского научного представительства, которое бы отвечало потребностям современной русской исторической науки²⁴. В 1899 г. он выступил с этими предложениями на IX Археологическом съезде в Киеве. В своем докладе он рассказал об открытии в Ватикане научных институтов и комиссий нескольких европейских государств, призванных изучить богатейшие архивные собрания. Е.Ф. Шмурло предложил создать в Италии русскую историческую комиссию и составил ее проект²⁵.

К сожалению, Русский институт в итальянской столице так и не был создан. Зато осенью 1903 г. Е.Ф. Шмурло был назначен ученым корреспондентом Императорской академии наук в Риме. Покинув Юрьевский университет, он перебрался в Италию²⁶. Согласно утвержденному “Положению об обязанностях” Е.Ф. Шмурло должен был заниматься описанием, собиранием и критической обработкой материалов по русской истории, хранившихся в итальянских библиотеках и архивах, изготавливать или заказывать копии документов, сличать рукописи, приобретать предметы древности и по результатам этой работы представлять ежегодно два отчета – финансовый и научный²⁷. По просьбе Академии наук историк подбирал образцы письма, делал фотографические снимки для дальнейшего обучения русских исследователей основам европейской палеографии. Приведем лишь один яркий пример. В мае 1905 г. к Е.Ф. Шмурло обратился его давний знакомый С.Ф. Ольденбург, который интересовался записками иезуита

²² Цит. по: *Дубьева Л.В.* Евгений Францевич Шмурло – профессор Тартуского (Дерптского/Юрьевского) университета в 1891–1903 гг. – Российские университеты в XVIII–XX веках, вып. 7. Воронеж, 2004, с. 119.

²³ “Приятно услышать здесь на чужбине родимые голоса”. Письма Е.Ф. Шмурло из Рима к М.А. Дьяконову. 1893–1917 гг. Публ. В.Г. Бухерт. – Исторический архив, 2012, № 1, с. 128.

²⁴ *Шмурло Е.Ф.* Отчет о заграничной командировке осенью 1897 г. Юрьев, 1898, с. 32.

²⁵ *Шмурло Е.Ф.* Об Учреждении русской исторической комиссии в Риме. М., 1900.

²⁶ *Eesti Ajalooarhiiv*, f. 402, n. 3, s. 1902, l. 46–49; *Dubjeva L.* Põhjasõja, selle põhjuste, eellood ning järelmõjude käsitlemisest Tartu ülikoolis XIX sajandi lõpus ja XX sajandi alguses töötanud ajaloolaste töödes. – Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi, m. XXXIX: Tartu Ülikool ja Põhjasõda. Tartu, 2011, l. 167–168.

²⁷ *Боже Я.В.* Жизнь и научная деятельность Е.Ф. Шмурло, с. 74.

Ипполито Дезидери (1684–1733)²⁸. Дезидери был уникальной фигурой в истории католической церкви и прославился не только как миссионер, но и как исследователь. Он долгое время жил в Индии, но, главное, стал одним из первых европейцев, проникших на Тибет, изучивших тибетский язык и занявшихся изучением буддизма. Дезидери прожил на Востоке с 1713 по 1727 г., а результаты его обширной и многогранной работы нашли отражение в монументальном труде о Тибете. К сожалению, автор не увидел его опубликованным. Конгрегация евангелизации народов (*Congregatio pro Gentium Evangelizatione*) запретила печатание и на многие десятилетия похоронила труд Дезидери в ватиканских архивах. Ученые получили возможность обратиться к нему лишь в конце XIX – начале XX в.²⁹ Ольденбург просил Е.Ф. Шмурло снять копию с рукописи итальянского иезуита. Последовали непростые переговоры, но в итоге в ноябре 1906 г. историк радостно сообщил в Петербург, что “Дезидери копируется, и в моих руках уже имеется небольшая пачка копий”³⁰.

Помимо маститых ученых Евгений Францевич неизменно оказывал поддержку молодым русским историкам, командируемым в Италию. В 1910 г. по рекомендации Э.Д. Гримма он помогал К.В. Гвоздановичу, изучавшему историю заговора Стефано Поркаро против папы Николая V, в 1911 г. по просьбе В.Э. Грабаря работал с П.П. Муратовым, а в 1914 г. по согласованию с С.В. Рождественским – с А.К. Елачичем³¹.

В начале пребывания Е.Ф. Шмурло в Риме исполнилась его давняя научная мечта. В 1904 г. он удостоился личной аудиенции папы Пия X, который разрешил ему работать в Архиве Конгрегации пропаганды веры. Возможно, этому помогла смерть в 1902 г. польского кардинала Мечислава Ледоховского, курировавшего архив с 1892 г. и препятствовавшего доступу туда российского исследователя. Сменивший его кардинал-итальянец Джироламо Мария Готти был лишен националистических предрассудков и благосклонно относился к Е.Ф. Шмурло. Так или иначе, историк смог открыть в архиве огромное количество документов о взаимоотношениях России и папства, о католической пропаганде и миссионерстве в Восточной Европе. Впрочем, Е.Ф. Шмурло не ограничивался лишь ватиканскими архивами и много времени уделял занятиям в архивах различных итальянских городов.

В его обязанности как ученого корреспондента (имевшего богатый опыт археографической работы) входила публикация найденных им документов. Так, на рубеже веков исследователь заинтересовался слабо изученной историей дипломатических сношений петровской России с Германией, Венецией, Польшей и Святым Престолом. Е.Ф. Шмурло извлек из ватиканских, парижских, венских, гаагских, венецианских архивов и библиотек множество документов, которые проливали свет на практически неизвестные сюжеты истории международных отношений конца XVII – начала XVIII в., на место в них России, содержали ценнейший материал о взаимоотношениях православной и католической церквей. Эти материалы легли в основу фундаментального сборника документов, изданного в Юрьеве в 1903 г. и не имеющего аналогов по сей день³².

Результаты археографической деятельности Е.Ф. Шмурло в Италии были весьма значимыми. Он провел фундаментальную работу по составлению архивных описей, выявил и отобрал для издания массу неизвестных документов. Итогом стала подготовка двух серий тематических сборников: “Россия и Италия” и “Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией”. Оба издания имели научную специфику. Если в “Памятниках” должны были публиковаться материалы по истории дип-

²⁸ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – ПФА РАН), ф. 208, оп. 3, д. 668, л. 1.

²⁹ См. *Иванов Д.В.* Европейская гравюра XVIII века в монгольской коллекции Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН. – *Память мира: историко-документальное наследие буддизма.* М., 2011.

³⁰ ПФА РАН, ф. 208, оп. 3, д. 668, л. 8.

³¹ *Саханев В.В.* Указ. соч., с. 57–58.

³² *Шмурло Е.Ф.* Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Т. 1. 1693–1700. Юрьев, 1903.

ломатических миссий и посольств, то в сборнике “Россия и Италия” — описи архивов и библиотек, отдельные документы о русско-итальянских связях³³.

В 1907–1915 гг. Е.Ф. Шмурло издал три тома “России и Италия”³⁴. Четвертый том был подготовлен им в 1914 г., но его изданию помешала Первая мировая война. Рукопись, как другие бумаги, историк оставил в Петрограде в 1916 г., надеясь вернуться за ними³⁵. Но больше он на Родине не бывал. Подготовленная к печати работа увидела свет в Ленинграде только в 1927 г.³⁶ благодаря стараниям С.Ф. Платонова, которого связывала с Е.Ф. Шмурло давняя дружба³⁷. Двумя годами ранее в Ленинграде была издана первая часть намеченного еще до революции сборника “Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией”³⁸. В предисловии анонсировался выход второй части, однако она так никогда и не появилась³⁹.

Несмотря на долгую жизнь в Риме, Евгений Францевич не очень любил этот город, предпочитая ему Венецию, Падую, Милан и другие североитальянские города⁴⁰. Его отношение к Риму кажется парадоксальным: с одной стороны, безграничная любовь к его древностям, с другой — категорическое неприятие его современного облика. “Нигде столько величия в прошлом и столько мизерных потуг в настоящем, — писал он, — никакая столица в мире не даст вам таких грязных улиц, точнее, таких сальных, замазанных домов, таких стен, пропитанных сыростью, в пятнах, с изрытой, загаженной облицовкой”⁴¹. Приговор историка звучал сурово: Рим в отличие от других итальянских городов не имеет своего лица. Е.Ф. Шмурло ностальгировал по тем временам, когда “картина города носила однородность, придавала общее впечатление бытийного единства”⁴². Его размышления были проникнуты пассаизмом, для него прошлое наполнено гармонией, а современность — культурным диссонансом. Е.Ф. Шмурло иронизировал над “новыми людьми”, лишенными малейшего художественного вкуса, которые повторили в Риме работу вандалов. Они “провели новые улицы и площади, меня себя созидателями, вкрапили новые дома в старые здания и создали настоящий архитектурный кавардак, какое-то месиво стилей, где нет ни стройности, ни гармонии, где благородные линии Биньола, Перуцци, Сан Галло должны терпеть унижение от соседства с крикливыми и пошлыми фронтонами палладиев XX столетия; где мешанский дворец недавней постройки выдавил средневековую башню, другой такой же вклинился в остатки римской стены, а вновь проложенная улица, порождение современного социального строя с его банками, синдикатами и развитием техники, тянется бок о бок с полутемным кварталом, где, кажется, еще слышно биение жизни людей XVI, XVII века”⁴³.

³³ Саханев В.В. Указ. соч., с. 53.

³⁴ Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией, т. 1, вып. 1. СПб., 1907; т. 2, вып. 1. СПб., 1908; т. 1, вып. 2. СПб., 1911; т. 3, вып. 1. СПб., 1911; т. 2, вып. 2. СПб., 1913; т. 3, вып. 2. СПб., 1915.

³⁵ ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 4662, л. 21об.

³⁶ Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией, т. 4. Л., 1927.

³⁷ Бухерт В.Г. С.Ф. Платонов и “кружок русских историков”. — Археографический ежегодник за 1999 год. М., 2000.

³⁸ Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией, т. 1, вып. 1 (1578–1581). Л., 1925.

³⁹ Яковенко С.Г. Евгений Францевич Шмурло и Русское историческое общество в Праге, с. 70.

⁴⁰ В личном фонде историка в Государственном архиве Российской Федерации сохранился черновик так никогда и не опубликованной статьи “О современном Риме” (ГАРФ, ф. 5965, оп. 1, д. 285). Рукопись не датирована, но, судя по внешним атрибутам (бланк ученого корреспондента Императорской академии наук в Риме), она была написана Е.Ф. Шмурло в начале XX в.

⁴¹ ГА РФ, ф. 5965, оп. 1, д. 285, л. 1об.

⁴² Там же, л. 4об.

⁴³ Там же.

Поэтому Е.Ф. Шмурло старался как можно больше путешествовать по Италии, знакомиться с самыми разными ее уголками. Особенно любил он маленькие городки, прикрепившиеся на склонах гор, с тесно прижавшимися друг к другу домами, итальянскую глубинку с ее элегическими картинами бескрайних полей, понурыми стадами овец, одинокими зданиями и молчаливыми аркадами древних виадуков⁴⁴. В этих сельских пейзажах он стремился увидеть знакомые черты. Перед его глазами неизменно возникали милые сердцу образы России: “Подчас перед вами чуть не сплошные версты желтых посевов, точно где-нибудь у нас в Саратовской или Воронежской губерниях”⁴⁵. К счастью, Евгений Францевич имел возможность почти ежегодно бывать на Родине, видиться с друзьями и коллегами в Москве и Петербурге, встречаться с родственниками в родном Челябинске и даже совершить путешествие на далекий Алтай. Однако на закате жизни он оказался навсегда оторван от родных мест, и о России могли ему напоминать лишь итальянские нивы.

Известия о революции 1917 г. застали историка в Риме. Е.Ф. Шмурло всегда находился вне политики, но Октябрьский переворот вызвал в нем глубокое отторжение. Не раздумывая, в 1918 г. он принял предложение занять пост секретаря в Союзе для борьбы с большевиками, созданном в Риме генералом М.Н. Леонтьевым⁴⁶. В рукописном собрании Славянской библиотеки в Праге, в коллекции документов Е.Ф. Шмурло сохранилась машинописная аналитическая записка о положении дел в Советской России, обрисовывавшая состояние Красной Армии, финансовое положение страны, ужасы террора и др.⁴⁷ К сожалению, она не подписана и не датирована, поэтому нельзя однозначно утверждать об авторстве ученого. Однако в тексте содержатся отсылки к ведущим итальянским газетам, что позволяет отнести этот документ ко времени секретарской деятельности историка. В любом случае он внимательно следил за положением дел на Родине. По воспоминаниям знавших его людей, “большевизм был для него органически неприемлем, и в отношении к нему он оставался до последних своих дней совершенно непримиримым”⁴⁸. Это негативное отношение проявлялось даже в неприятии им новой орфографии: он неизменно требовал, чтобы его научные работы, изданные на русском языке за рубежом, печатались так, как это было принято до 1917 г.

После 1917 г. Е.Ф. Шмурло прожил в Италии еще семь лет, вплоть до переезда в Прагу в 1924 г. Он продолжал работу ученого корреспондента фактически на собственные средства, отказывая себе во всем. Известно, что он вынужден был питаться в благотворительных столовых⁴⁹. Не менее тяжелым было и моральное состояние. Если до 1917 г. Е.Ф. Шмурло имел статус русского ученого, проживающего за границей и работающего на благо отечественной науки, то теперь он стал русским ученым, оторванным от России, не имевшим возможности не только вернуться на Родину, но и работать для ее науки. Хотя у Е.Ф. Шмурло был многолетний опыт жизни за границей, приспособиться к новым обстоятельствам было трудно. К тому же после революции его официальный статус оказался под вопросом. В апреле 1924 г. Е.Ф. Шмурло узнал, что в новом штатном расписании Академии наук должность ученого корреспондента отсутствует⁵⁰. “Железный занавес” еще не окончательно опустился, и поэтому сохранялась возможность общения между Россией Советской и Россией Зарубежной.

⁴⁴ Шмурло Е.Ф. [Заметки о Черногории]. – Мир историка. XX век, с. 414.

⁴⁵ Там же, с. 415.

⁴⁶ Божье Я.В. Жизнь и научная деятельность Е.Ф. Шмурло, с. 81; Саханев В.В. Указ. соч. с. 59.

⁴⁷ Slovanská knihovna v Praze. Trezor (далее – SK), T-A 2174/1096.

⁴⁸ Саханев В.В. Указ. соч., с. 59.

⁴⁹ Беляев С.А. Евгений Шмурло в эмиграции (основные вехи жизни и творчества). – Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX веке. М., 2003, с. 155.

⁵⁰ ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 4662, л. 29.

Академия наук на протяжении нескольких лет пыталась возобновить официальные контакты с Е.Ф. Шмурло, чему во многом способствовал С.Ф. Платонов, продолжавший переписываться с ним. Платонов предлагал коллеге возобновить работу ученого корреспондента в официальном статусе, обратившись для этого к представителям СССР в Риме и ознакомив их с положением дел. Е.Ф. Шмурло, однако, не согласился. Он настаивал на том, чтобы Академия делегировала ему полномочия для переговоров с советскими представителями в Италии: «Я, конечно, сочту долгом исполнить это предписание, но являться в посольство по собственной инициативе мне, в моем положении, когда даже от самой Академии я до сих пор не могу добиться ответа: что я для нее: уч[еный] корр[еспонден]т, продолжающий нести свои обязанности, или только “бывший”? – в таком положении, говорю я, являться в посольство мне не приходится»⁵¹. Тогда инициативу в свои руки взял Платонов: 30 сентября 1925 г. он попросил советские власти разрешить Академии наук восстановить официальные контакты с ученым корреспондентом Е.В. Шмурло. Однако 31 декабря профессор получил отказ за подписью заместителя народного комиссара иностранных дел М.М. Литвинова, подчеркнувшего, что вследствие занятой Е.Ф. Шмурло позиции в отношении советской власти “НКВД не находит возможным вступать с ним в непосредственные деловые сношения”⁵². Окончательный разрыв с Родиной стал для Е.Ф. Шмурло неизбежен.

В это время чехословацкое правительство предложило ученому переехать в Прагу, бывшую тогда местом притяжения интеллектуальных сил эмиграции. “Русская акция” – специальная программа помощи эмигрантам, инициированная президентом Томашем Масариком, дала возможность продолжить научную работу десяткам ученых. Итальянские исследователи С. Гардзонио и Б. Сульпассо в качестве веского мотива для отъезда Е.Ф. Шмурло из Италии называют также приход к власти фашистов во главе с Б. Муссолини⁵³.

Ко времени переезда Е.Ф. Шмурло в Прагу в ней уже сложилась развитая сеть русских учебных и научных учреждений. Здесь жили и работали такие русские историки, как А.А. Кизеветтер, П.Б. Струве, Г.В. Вернадский, В.А. Мякотин, И.И. Лаппо, А.В. Флоровский. Некоторых Е.Ф. Шмурло знал еще до революции. Он был тепло принят чехословацкими властями. При поддержке Славянского института в Праге и чешских историков Камила Крофты и Ярослава Бидло ученый издал несколько книг, включая “Курс русской истории”, ставший результатом его многолетней научной и преподавательской работы⁵⁴.

В римский период научная активность Е.Ф. Шмурло была невелика. В основном он занимался публикацией источников – в ущерб подготовке исследовательских работ, на что не раз сетовал друзьям⁵⁵. В пражский период он словно бы наверстывал упущенное – чрезвычайно много работал, писал и публиковал. Конечно, активность его научных путешествий заметно снизилась – ученый был уже немолод. В феврале 1929 г. он обрисовал свое состояние в письме к Е.П. Павловой, оставшейся в Ленинграде ученице К.Н. Бестужева-Рюмина: «Перед Вами 75-летний старик, который, однако, слава Богу, еще не чувствует на себе трагической тяжести этого возраста; голова еще светлая и продолжает работать, – работает еще не дурно (перед Вами не стану скромничать и скрывать этого радостного сознания); “ветхий денди”, но еще с молодой душой – по признанию многих окружающих; годы, разумеется, уже

⁵¹ Там же, л. 29об.–30.

⁵² Там же, д. 3410, л. 1.

⁵³ Гардзонио С., Сульпассо Б. Осколки русской Италии. Исследования и материалы, кн. 1. М., 2011, с. 32, 115.

⁵⁴ Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. Прага, 1931–1935, т. 1–4. См., например: Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky, Fond Bidlo Jaroslav, kart. 7, inv. č. 628; Fond Kamil Krofta, kart. 3, inv. č. 249.

⁵⁵ См. “Приятно услышать здесь на чужбине родимые голоса”, с. 126–154.

сказались: ноги не тверды, сердце работает хуже; резкое движение – и уже задыхаюсь; с лестницы, хотя бы и широкой, но без перил не сойти, да и на улице всегда с палкой»⁵⁶.

Он жил довольно одиноко. Сын Сергей работал врачом во Французском Судане, а от сына Павла, оставшегося в Советской России, Евгений Францевич вестей не имел⁵⁷. Но, невзирая на превратности судьбы, он работал с невероятным усердием, обрабатывая многочисленные материалы, накопленные в предыдущие годы. Современники вспоминали: «Вы входили в его беженскую комнату, и вас сразу же охватывал дух науки. Книги везде: ими завален письменный стол у окна (а сам Е.Ф. работал за небольшим овальным столом посередине комнаты). На кроватях. На стульях. На чемоданах. На этажерках. На шкапах... Но везде порядок: книги на научных позициях, а не вразброс»⁵⁸.

Е.Ф. Шмурло стоял у истоков Русского исторического общества в Праге, созданного в 1925 г. и объединившего множество эмигрантских ученых. На посту его председателя он оставался до 1933 г.⁵⁹ Вообще в Праге, несмотря на свой почтенный возраст, он развил энергичную общественную и научную деятельность: входил в состав комитета по празднованию «Дня русской культуры», главного праздника русских за рубежом, подготовил учебники по истории для эмигрантских детей и юношества⁶⁰. Со времени приезда в Чехословакию и вплоть до 1931 г. Е.Ф. Шмурло принимал деятельное участие в работе Ученой комиссии Русского заграничного исторического архива⁶¹, в 1924, 1928 и 1930 гг. участвовал в съездах Русских академических организаций за границей, проходивших, соответственно, в Праге, Белграде и Софии⁶². Правда, вопреки расхожему мнению⁶³ педагогической работой он уже не занимался и не преподавал ни в русских эмигрантских, ни в чехословацких учебных заведениях. Вероятно, здесь свою роль сыграли не только возраст Е.Ф. Шмурло, но и его долгая оторванность от работы в высшей школе.

Покидая Италию в 1924 г., историк продал личное книжное собрание, состоявшее из 8 тыс. томов, министерству иностранных дел Чехословакии. Книги эти впоследствии поступили в фонды Славянской библиотеки в Праге, где хранятся и поныне⁶⁴. Часть бумаг, как уже говорилось, Е.Ф. Шмурло в 1916 г. оставил в России. Когда коллегам стало ясно, что на Родину в ближайшие годы историк вернуться не сможет, они упаковали его документы в корзину и передали на хранение С.Ф. Ольденбургу.

В начале 1920-х годов Е.Ф. Шмурло отчаянно пытался вернуть свои рукописи. В июле 1922 г. он писал С.Ф. Платонову: «Не найдете ли возможность переслать эту злополучную корзину хотя бы в Ревель или (еще лучше) в Берлин? Оттуда было бы

⁵⁶ ОР РНБ, ф. 163, оп. 1, д. 513, л. 1об.

⁵⁷ Там же, л. 2об.

⁵⁸ *Фатеев А.Н.* Указ. соч., 9.

⁵⁹ *Ковалев М.В.* Русское историческое общество в Праге (1925–1945). – *Российская история*, 2011, № 5.

⁶⁰ *Ковалев М.В.* Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной культурной памяти. – *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*, 2008, кн. 25/2, с. 270–271, 273; *его же*. Имперская идея в учебных нарративах русской эмиграции 1920–1930-х гг. – *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 2014, вып. 4(27).

⁶¹ *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012, с. 216.

⁶² Държавен архив, София, ф. 1 к, оп. 2, а.е. 1019, л. 6; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 566, карт. 28, д. 54, л. 13об. – 14об; *Ковалев М.В.* «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах...». Из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930). – *Россия XXI*, 2013, № 5, с. 94–95, 98–99.

⁶³ *Вандалковская М.Г.* Русская эмигрантская историческая наука в Чехословакии. – *Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919–1939*. Praha, 1999, s. 100.

⁶⁴ *Боже Я.В.* Жизнь и научная деятельность Е.Ф. Шмурло, с. 88–89.

кому переслать ее мне”⁶⁵. Но ни Платонов, ни Ольденбург не доверяли пересылке⁶⁶. Не удалось передать бумаги и через ученых, пока еще имевших возможность выезжать в европейские командировки⁶⁷. Е.Ф. Шмурло вплоть до смерти писал в Ленинград с просьбой вернуть ему рукописи. Известно, что 1 ноября 1933 г. он обратился с соответствующим запросом в Архив АН СССР. Сохранилась записка за подписью директора архива Г.А. Князева следующего содержания: “По наведенным справкам выяснилось, что чемодан с материалами Шмурло находился в 1925 г. в кабинете Непременного Секретаря. В описях материалов, находившихся в кабинете Н[епременного] С[екретаря], в конце 1929 г. чемодана с работами Шмурло не значится”⁶⁸. В действительности Ольденбург, видимо, понимая невозможность вернуть документы владельцу, передал их в 1924 г. в Археографическую комиссию. В 1936 г. все ее собрание, включая и бумаги Е.Ф. Шмурло, было передано в архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР.

Конечно, историк приехал в Прагу не с пустыми руками. Он привез огромное количество копий архивных документов, а также выписок и заметок, сделанных им в Италии и хранившихся в его римской квартире. Судьба этих бумаг, как отмечал С.А. Беляев, в научной литературе пока не затрагивалась, исследователи обошли ее вниманием⁶⁹. Однако на то существуют объективные причины. После смерти Е.Ф. Шмурло в 1934 г. часть его архива была передана в собственность министерства иностранных дел Чехословакии и поступила на временное хранение в Славянский институт в Праге. В 1937 г. ученик историка В.В. Саханев констатировал, что собрание это еще не разобрано, но приводил краткий список документов, имевшихся в нем:

«I. Большой сундук

1) Бумаги Поссевина.

2) Rafaele – Feletri.

3) Illirico.

4) Мелетий Смотрицкий.

5) Печатный Sakowicz (в рукописи).

6) Lorenzo.

7) Acta 1624–1645 годов. Фотографии к ним.

8) Бумаги 1622–1653 годов.

9) Бумаги 1355–1621 годов.

10) Кленке-Морони 1576 г.

11) Бумаги, связанные с Римской курией.

12) Бумаги 1621–1634 годов.

13) Схеды 1220–1752 (годы 1510–1542 выделены).

14) Русский перевод 3–4 бумаг 1588–1590 гг. (о Молдавии – что относится к ответственному приложению к Описи Польской Нунциатуры в “России и Италии”).

15) Мелампо (к его палеографической коллекции).

16) Опись Herzen’a Regesta papae Julii III.

17) Все ненужные тетрадки цветные времени XVI в.

II. Сундук № 1

1) Все, что с 1697 по 1710.

2) Бумаги Шалянского.

3) Путешествие Императора Николая I в Рим в 1845 г.

⁶⁵ ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 4662, л. 22.

⁶⁶ Там же, л. 24.

⁶⁷ В марте 1921 г. он писал профессору А.С. Яценко: “Если проф[ессор] Браун сейчас в Лейпциге, в командировке, значит, он вернется в Петербург? Не откажите, пожалуйста, сообщить его адрес, если он известен Вам, – хочу попытаться через него” (*Гардзонио С., Сульпас-со Б.* Указ. соч., с. 216). Но Ф.А. Браун в Советскую Россию не вернулся, остался в Германии.

⁶⁸ ПФА РАН, ф. 7, оп. 1, д. 89, л. 263.

⁶⁹ Беляев С.А. Указ. соч., с. 155.

4) Дешешы Кленка (Чарыков).

5) Палладий Роговский.

6) Постников.

7) Копии 1914–1915 гг.

III. Сундук № 2

1) Паисий Лигарид – 5 пачек.

2) Ruthenia 1660–1696 гг.

3) Moscovia 1667–1696 гг.

4) Nunziatura di Polonia 1682–1695.

5) Idem. 1664–1677.

6) Idem. 1667 – 1669.

7) Бумаги 1660-х гг., частью мое собственное писание.

8) Бумаги Венского архива, не позже 1696 г.

9) Acta S. C. II. 1646–1669.

10) Acta. Фотографии к ним 1655–1669.

11) Fructus miscionum.

12) Ceremoniali. Venezia.

13) Biblioteca Angelica. Missioni.

14) Simonetta, его дешешы.

15) Дешешы 1685–1693 из Венецианского архива.

16) Менезий.

17) Малороссия.

18) 1658–1659.

19) 30 тетрадок цветных.

20) Копии из разных архивов 1653–1659.

Римини (1655) и Чемоданов (1656) по Венецианскому архиву. Мои заметки»⁷⁰.

Как видно из этого перечня, большая часть документов была связана с Италией. Но речь идет лишь о фрагментах архива Е.Ф. Шмурло, поскольку известно, что еще в 1935 г. часть бумаг историка была передана в Русский заграничный исторический архив его сыном Сергеем⁷¹. По какому принципу было разделено собрание, установить пока не удалось. Некоторые материалы Е.Ф. Шмурло хранились также у А.В. Флоровского, который в 1937 г. стал председателем Русского исторического общества в Праге. Только в ноябре 1940 г. он передал их новому руководству Общества⁷². Состав документов остается невыясненным, поскольку опись материалов не сохранилась. Существуют косвенные данные, что бумаги Е.Ф. Шмурло могли привлечь внимание немецкого историка Эдуарда Винтера, который был знаком с Флоровским и в начале 1940-х годов завершал работу над книгой о борьбе католических и православных начал на Украине⁷³. Во всяком случае судьба этой части архива Е.Ф. Шмурло еще нуждается в детальном прояснении. Вероятнее всего, документы, не попавшие некогда в Русский заграничный исторический архив, остались в Праге и после Второй мировой войны были переданы в фонды Славянской библиотеки. Там они хранятся до наших дней.

Таким образом, итальянское собрание Е.Ф. Шмурло, включавшее в себя многочисленные копии документов, выписки, конспекты, рабочие записи и рукописи тру-

⁷⁰ См. Саханев В.В. Указ. соч., с. 55–56.

⁷¹ Zpráva o činnosti Ruského zahraničního historického archivu při Ministerstvu věcí zahraničních a Ústavu přidružených za rok 1935. – Ročenka Slovanského Ústavu, sv. VIII za rok 1935. Praha, 1936, s. 168; Русский заграничный исторический архив в Праге – документация. Каталог собраний документов, хранящихся в Пражской Славянской библиотеке и в Государственном архиве Российской Федерации. Сост. Л. Бабка, А. Копришова, Л. Петрушева. Прага, 2011, с. 250.

⁷² Архив Российской академии наук, ф. 1609, оп. 1, д. 264, л. 11.

⁷³ Ковалев М.В. А.В. Флоровский и его немецкие корреспонденты. – Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога. Сб. научных трудов. Под ред. М.В. Ковалева и И.Р. Плеве. Саратов, 2015, с. 145–146.

дов, оказалось разрозненным. Большая его часть, несомненно, еще в 1935 г. поступила в Русский заграничный исторический архив, а потом в 1945 г. вместе с другими документами была вывезена в СССР. Именно с ней познакомился в начале 1960-х годов Б.Б. Кафенгауз, один из первых советских историков допущенный к уникальным эмигрантским коллекциям. На основании документов Е.Ф. Шмурло он подготовил обстоятельную статью и опубликовал два документа из архива историка, касающиеся эпохи Ивана Грозного⁷⁴. Другая часть рукописей, как уже было сказано, попала в фонды Славянской библиотеки в Праге, где к тому же хранились книги Е.Ф. Шмурло. Сегодня материалы из собрания историка полностью доступны для исследователей, хотя их детального научного описания по-прежнему не существует. Рукописи Е.Ф. Шмурло входят в состав большой архивной россыпи документов и пока не выделены в отдельную коллекцию. Первичное изучение материалов позволяет сделать вывод, что значительная их часть касается истории российско-итальянских связей. Среди них находится библиография Ватиканской библиотеки, документы об Антонио Поссевино, копии донесений польских нунциев, документы ученого корреспондента в Риме, вырезки из итальянских газет и др.⁷⁵

Живя в Праге, Е.Ф. Шмурло опубликовал ряд работ по истории русско-итальянских связей, в которых подводил некоторые итоги своей исследовательской работы. В этом смысле уместно говорить о научной преемственности пражского периода с предшествующими этапами жизни историка. Его размышления о взаимоотношениях России и католического мира оказались востребованными в эмигрантской среде. Революция, гражданская война и изгнание обострили давние споры об исторической судьбе России, вновь поставили множество острых вопросов. В 1919 г. папа Бенедикт XV указал на необходимость поддержки русских изгнанников католической церковью. Особенное усердие в этом направлении проявлял бельгийский кардинал Жозеф-Дезире Мерсье⁷⁶. Но одновременно с оказанием помощи активизировалась деятельность миссионеров, которые нередко прибегали к обращению в католичество русских детей, что, естественно, вызывало протесты со стороны старшего поколения эмигрантов. В среде изгнанников не могли не знать о визитах католических миссий в Советскую Россию и о желании Святого Престола укрепить там свои позиции за счет внутреннего кризиса православной церкви, вызванного большевистскими гонениями. Это порождало еще большее недоверие к Риму. Представители евразийства, например, объявили католичество воинствующей религиозной системой и соотнесли его наряду с коммунизмом с понятием “псевдокультура”⁷⁷.

Вместе с тем некоторые эмигранты, ставшие свидетелями гибели Российской империи, наоборот, разочаровались в основах православия и обратились в лоно католической церкви. Е.Ф. Шмурло был осведомлен об этих сложных процессах. Как человек православный, он, разумеется, не одобрял натиска католической пропаганды, особенно заметной после присоединения к Польше по Рижскому миру 1921 г. части украинских и белорусских земель. Однако, к чести историка, в своих научных работах он избегал одиозных оценок, по-прежнему придерживаясь строгого академического подхода.

⁷⁴ Кафенгауз Б.Б. Новые материалы иностранных архивов о международных отношениях России. – Международные связи России до XVII в. М., 1961.

⁷⁵ SK, T-A 2089, č. j. 527/39; T-A 2090, č. j. 527/39; T-A 2091, č. j. 527/39; T-A 2097, č. j. 527/39; T-A 2098, č. j. 527/39 ect.

⁷⁶ См.: Трубецкой Г.Н. Памяти кардинала Мерсье. – Путь, 1926, № 3; Bieliavsky N. Le Cardinal Mercier et l'émigration russe en Belgique. – Irénikon. Revue des Moines de Chevetogne, т. LXXVI, 2003; Белявский Н.С. Кардинал Мерсье и русская эмиграция в Бельгии. – Берега. Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье, вып. 9. СПб., 2008.

⁷⁷ Paradowski R. Metodologiczne i metafizyczne problemy eurazjatyckiej kulturologii. – Emigracja rosyjska. Losy i idee. Łódź, 2002, s. 48.

Исследовательские интересы Е.Ф. Шмурло в пражский период были сосредоточены в основном вокруг истории дипломатических и политических контактов между Россией и Святым Престолом. В то же время становится все более заметным желание ученого понять идеологическую основу этих отношений. С точки зрения Е.Ф. Шмурло, задача историка состоит в том, чтобы “уразуметь жизнь народную, идеи и интересы данного общества, его чувствования и стремления”, поэтому каждая эпоха для него определялась господствующими в ней идеями⁷⁸.

Провал римской политики по отношению к Москве историк объяснял непониманием папскими властями мировоззрения русского общества, идеология которого не допускала и мысли о подчинении Святому Престолу. Для русских государей суверенитет был важнее, чем королевская корона из рук папы. Рим подчинял политику религии и, “не преследуя в России никаких политических целей, домогался одного – торжества католической веры”⁷⁹. Поворотной точкой в отношениях России и Святого Престола явилось кратковременное царствование Лжедмитрия I, возведенного на престол поляками-католиками. Тяжесть воспоминаний о Смуте, соединенная с ненавистью к врагам, надолго разверзла пропасть между Москвой и Римом. “С этой поры, – писал Е.Ф. Шмурло, – латинство сильнее, чем когда-либо, стало синонимом национального и религиозного врага”⁸⁰. Лишь с середины XVII в., когда Россия присоединила Малороссию, начала претендовать на польскую корону и повела борьбу с униатством в украинских землях, Рим оказался заинтересован в нормализации отношений. Е.Ф. Шмурло показал, что испугало папство не только усиление Москвы, но и рост влияния протестантизма в русских землях, поскольку лютеране и кальвинисты не были стеснены там в правах, подобно католикам. Но и Москва постепенно изживала неприязнь и с большими опасениями делала первые шаги если не по пути сближения, то по пути понимания Рима. Окончательный поворот наступил только в начале Северной войны, когда Россия стала искать союза со Святым Престолом, причем религиозные мотивы окончательно уступили место мотивам политическим.

Все эти сложные исторические события Е.Ф. Шмурло отразил в нескольких крупных работах, главной из которых была монография “Римская Курия на русском православном Востоке в 1609–1654 гг.”, изданная в Праге в 1928 г. Поэтому нельзя полностью согласиться с мнением С.Г. Яковенко, что деятельность Е.Ф. Шмурло не реализовалась в форме большого обобщающего научного труда⁸¹. Эта книга не является рассказом о многогранной деятельности Святого Престола в православных регионах Восточной Европы в прямом смысле слова. Сам автор полагал, что его работу следует отнести не столько к исследованиям, сколько к комментированным изданиям исторических источников, снабженных вступительными материалами и обширными комментариями. Предвидя упреки критиков в невнимании к работам предшественников, Е.Ф. Шмурло указал, что поставил перед собой задачу познакомить читателя с неизвестными прежде материалами, которые ему удалось обнаружить в Италии.

Действительно, в книге опубликована широчайшая подборка документов, извлеченных Е.Ф. Шмурло из Архива Конгрегации пропаганды веры, Ватиканского архива, Архива Бонкомпаньи-Пьомбино, Архива Конгрегации Святого Иеронима, а также из рукописных собраний итальянских библиотек. Источникам предпосланы 18 глав, каждая из них представляет собой законченный исторический очерк. Автор осветил такие темы, как недолгое правление Лжедмитрия I, попытки возложения на королевича

⁷⁸ Саханев В.В. Указ. соч., с. 67.

⁷⁹ Шмурло Е.Ф. Сношения России с Папским Престолом в царствование Петра Великого (1697–1707). – Труды IV съезда Русских академических организаций за границей, ч. 1. Белград, 1929, с. 83.

⁸⁰ Шмурло Е.Ф. Римская Курия на русском православном Востоке в 1609–1654 гг. Прага, 1928, с. 5.

⁸¹ Яковенко С.Г. Евгений Францевич Шмурло и Русское историческое общество в Праге, с. 68.

ча Владислава русской короны, деятельность Конгрегации пропаганды веры в Польше, положение униатской церкви в западнорусских землях, путешествия итальянских миссионеров Г. Орсини и Н. Янсена в Россию, донесения папских агентов об иностранных наемниках в русских войсках, авантюра самозванца Тимофея Анкудинова, выдававшего себя за сына Василия Шуйского и др. Е.Ф. Шмурло показал ключевые моменты российской истории XVII в. сквозь призму папской политики. Сделать это ему позволил анализ многочисленных официальных папских документов, например, донесений нунция Симонетти о Московской кампании Сигизмунда III или доклада кардинала Беллармина о недопустимости коронования Владислава “схизматическим епископом”.

История политических отношений между Москвой и Римом нашла выражение и в серии статей, которые служат своего рода продолжением его книги. Одним из первых в отечественной историографии он рассмотрел попытку посадить на польский престол, ставший вакантным после отречения Яна Казимира в 1668 г., русского кандидата⁸². Это событие интересовало историка не само по себе, но на фоне общей картины политических и дипломатических контактов между европейскими державами. Е.Ф. Шмурло попытался взглянуть на русско-польские отношения глазами Рима. В архивах Ватикана историк обнаружил протоколы заседаний Комиссии из четырех кардиналов, созванной в 1668 г. и призванной обсудить возможность избрания на польский трон русского царевича, сына Алексея Михайловича, и решения тем самым вопроса об унии. Комиссия рассмотрела разнообразные донесения и суждения по столь сложному вопросу, которые русский историк также нашел в ватиканских архивах (донесение нунция Пиньятелли, записка суперъера русских униатов в Риме, справка о личности Паисия Лигарида, записка генерала Доминиканского ордена и т.д.). Таким образом, Е.Ф. Шмурло показал, как внимательно следили в Риме за деятельностью русских дипломатов. Вместе с тем он акцентировал внимание на том, что вопрос о престолонаследии превращался в вопрос об унии, на решение которого Москва никогда бы пойти не смогла. Все попытки поставить во главе католической Польши русского царевича изначально не имели шансов, поскольку по-прежнему, «как два непримиримых врага, во всеоружии стояли друг против друга “схизма” и “латынство”»⁸³.

Из исследований Е.Ф. Шмурло можно сделать вывод, что, несмотря на все противоречия между Москвой и Римом, с середины XVII в. началось их постепенное дипломатическое сближение, движущей силой которого стала нависшая над всей Европой турецкая угроза. В это время Россия активизировала контакты с итальянскими государствами, в первую очередь с Венецией, желая найти в ее лице союзника. Свидетельством этому служат регулярные русские посольства. Одним из них было посольство в Венецианскую республику стольника И.И. Чемоданова в 1656 г. Само по себе это – мелкое событие в российской истории и, тем более, в истории итальянской. Но Е.Ф. Шмурло попытался взглянуть на него глазами Римской Курии, взяв за основу донесения ее агентов, внимательно следивших за русской миссией. В отношении Рима к посольству Чемоданова историк увидел целую политическую программу.

В 1650-х годах Россия и Швеция нанесли сокрушительный удар по Польше, верному оплоту католичества в Восточной Европе. Ее будущее полностью находилось в руках русского царя, поэтому “если не судьбы католической церкви, то ее положение там во многом зависело в данную минуту от его доброй воли, а потому ладить с ним, завоевывать его расположение, а если это недостижимо, то хотя бы лишь обезвредить его – являлось прямой очередною задачей Римской Курии”⁸⁴. Святой Престол попытал-

⁸² Шмурло Е.Ф. Русская кандидатура на польский престол в 1667–1669 годах. – Сборник статей, посвященных П.Н. Милюкову (1859–1929). Прага, 1929.

⁸³ Там же, с. 270.

⁸⁴ Шмурло Е.Ф. Посольство Чемоданова и Римская Курия. – Записки Русского научного института в Белграде, вып. 7. Белград, 1932, с. 13.

ся, правда, в конечном счете безуспешно воздействовать на царя через Чемоданова⁸⁵. В массе однородного материала донесений, предназначавшихся для дипломатической канцелярии кардинала-секретаря, историк нашел то главное, что проливало свет на планы Рима в отношении России. За малым эпизодом из истории дипломатии он сумел разглядеть широкую программу отношений с православной Россией, которую наметил для себя Святой Престол в середине XVII в.

В конце XVII в. отношение России к католической церкви начало постепенно меняться. В годы правления Софьи Россия все больше и больше включалась в орбиту европейской политической жизни. Естественно, что сохранять прежнее крайне враждебное отношение к Риму было невыгодно. Важным эпизодом во взаимоотношениях Москвы и Рима стало посольство Б.П. Шереметева в Италию и на Мальту в конце XVII в. Эта поездка казалась уже хорошо изученной в исторической науке, тем более что сохранились путевые заметки самого дипломата. Однако Е.Ф. Шмурло значительно расширил круг познаний о ней на основе найденных им документов в архивах Венеции, Рима, Неаполя, Мальты, Флоренции и Парижа. Путешествие Шереметева он впервые рассмотрел на фоне политической обстановки в России в конце XVII в., в рамках всего внешнеполитического курса, сопоставив его с другим уникальным явлением в истории отечественной дипломатии – Великим посольством 1697–1698 гг.

Известно, что первоначальной целью посольства было создание всехристианской антитурецкой коалиции. Конечно же, ее вдохновителем в Европе мог быть только папа. Это вынуждало Москву идти на контакты с Римом. Еще до революции Е.Ф. Шмурло сделал вывод, что изменение отношения к Святому Престолу началось уже в царствование Алексея Михайловича, когда в 1672 г. из Москвы в Рим было направлено посольство Павла Менезия⁸⁶. Необходимость налаживания контактов с центром католического мира осознавал и Петр I. Поездка Шереметева, по мнению Е.Ф. Шмурло, как раз и была призвана содействовать укреплению двухсторонних связей. Он подробно описал само путешествие, торжественные приемы Шереметева в Кракове, Вене, Венеции, Риме, сопутствовавший церемониал с приветственными речами, обменом подарками.

Особое внимание Е.Ф. Шмурло привлекло пребывание русского путешественника в Риме, где он был удостоен аудиенции папы Иннокентия XII. На основе официальных протоколов папской канцелярии историк с точностью восстановил церемонию приема (коленипреклонение перед папой, целование его туфли, вручение привезенных грамот и т.д.). Пребывание в Риме столь высокого гостя далекой православной страны с новой силой поставило вопрос об унии. Но Шереметев настолько умело вел переговоры, что смог добиться высокого доверия и авторитета, выполнить часть поставленных задач, обходя при этом вопрос о смене веры. Благодаря изворотливости Шереметев уже на Мальте, «оставаясь “схизматиком”», был возведен в рыцари духовного католического ордена, получив горделивое право утверждать, что его заслуги перед христианским миром были настолько велики, что не признать их не могли даже противники по вере»⁸⁷. Е.Ф. Шмурло полагал, что успех поездки превзошел все ожидания. Шереметев фактически выполнил миссию Великого посольства, которое в Италию так и не попало.

Много внимания уделял Е.Ф. Шмурло истории католического миссионерства и распространению католицизма в России. Еще в Риме он обнаружил в Архиве пропа-

⁸⁵ Новейшее исследование посольства Чемоданова в Италию осуществлено чешской исследовательницей К. Глушковой, которая значительно дополнила выводы Е.Ф. Шмурло. См. *Hloušková K. Země za zrcadlem: Rusko-italské diplomatické a obchodní vztahy v druhé polovině 17. století. Červený Kostelec – Praha, 2010.*

⁸⁶ См. *Шмурло Е.Ф. Посольство Павла Менезия к папскому двору 1672–1673 гг. – Журнал Министерства народного просвещения, 1901, № 2.*

⁸⁷ *Шмурло Е.Ф. Поездка Б.П. Шереметева в Рим и на остров Мальту. – Сборник Русского института в Праге, т. 1. Прага, 1929, с. 23.*

ганды веры и в Архиве Греческой униатской коллегии документы о Палладии Роговском и Петре Артемьеве – русских католиках XVII в. Оба эти персонажа были довольно известны, но к числу видных деятелей своего времени не принадлежали. Почему же ученый заинтересовался их судьбой? Ответ на этот вопрос нужно искать в авторском понимании им труда историка. В своем творчестве Е.Ф. Шмурло многократно прибегал к методу восхождения от частного к общему. Выбирая отдельные явления, он анализировал их и на основе этого делал синтетические выводы. При этом всегда избегал широких обобщений, не имевших под собой достаточных оснований.

Русские католики Роговский и Артемьев были для историка личностями отнюдь не уникальными, а напротив: они отражали целое течение русской жизни XVII в. На их примере Е.Ф. Шмурло стремился показать общую тенденцию того времени – рост интереса к католицизму и другим религиозным течениям. Процесс этот он связывал с кризисом русской православной церкви, еще не оправившейся от никоновского раскола. Другой объективной причиной явилось усиление контактов с внешним миром, от которого Россия уже не могла отгородиться “железным занавесом”. Европейский дух, в том числе католический, все больше проникал за ее границы. Е.Ф. Шмурло констатировал, что “католическая болезнь” стала для России серьезным испытанием: “В атмосфере духовных запросов и духовных шатаний вырастали Роговские и Артемьевы... К католицизму русского человека влекли, конечно, не догматы, мало кому понятные и ненужные, но дисциплина Латинской церкви (отсутствием каковой особенно страдала тогдашняя Русская), образованность католического духовенства, сила логики и диалектики”⁸⁸.

Как видим, в последние годы жизни Евгений Францевич по-прежнему уделял много времени изучению взаимоотношений России и Италии. Живя в Чехословакии, он вплоть до своей кончины в апреле 1934 г. продолжил заниматься исследовательскими сюжетами, контуры которых очертил еще в Риме. Несмотря на то, что Е.Ф. Шмурло оказался вдали и от России, и от любимой Италии, он смог продолжить работу и завершить многие начинания. Пражский период стал логическим итогом его ученой карьеры.

В эмигрантской среде работы Е.Ф. Шмурло пользовались заслуженным уважением. Отдельные труды он публиковал на итальянском, немецком, английском и французском языках, что расширяло их читательскую аудиторию. Героями его книг и статей были видные деятели русской и европейской истории XVI–XVIII вв. – Мелетий Смотрицкий, Паисий Лигарид, П. Роговский, Б.П. Шереметев, Сильвестр Медведев, Сигизмунд III и др. Для творчества историка, как и прежде, было характерно стремление показать специфику исторической эпохи через образы ее выдающихся деятелей.

Одна из главных заслуг Е.Ф. Шмурло перед исторической наукой заключалась в открытии им итальянских архивов и введении в научный оборот неизвестных документов по истории русско-итальянских отношений⁸⁹. Широкий круг разнообразных источников, использованных им, говорит о высоком исследовательском мастерстве историка, привыкшего не принимать ничего на веру, не пересказывать факты, а глубоко анализировать и сопоставлять различные свидетельства. В научных трудах Е.Ф. Шмурло наглядно проявилось влияние петербургской исторической школы. Сам он всегда подчеркивал, что обязан своему учителю К.Н. Бестужеву-Рюмину “сознанием необходимости критической оценки каждого документа и тщательного его изучения, что одно только дает возможность понять и психологию автора докумен-

⁸⁸ Шмурло Е.Ф. Русские католики конца XVII века (По данным архивов Пропagанды и коллегии Св. Афанасия). – Записки Русского научного института в Белграде, вып. 3. Белград, 1931, с. 21.

⁸⁹ Важность этих документов безоговорочно признается современными специалистами. См., например: Шимак Е.К. Донесения папских нунциев в Польшу XVI в. как источник по внешнеполитической истории России. – Працы гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, вып. 3. Мінск, 2008.

та, и воззрения эпохи”⁹⁰. Можно с уверенностью сказать, что выполнить эту задачу Е.Ф. Шмурло удалось.

К сожалению, он не оставил после себя учеников, которые продолжили бы его дело. Причиной тому была, очевидно, долгая оторванность историка от университетской кафедры и сосредоточенность на чисто научной работе. На Родине его вклад в изучение российско-итальянских отношений долгое время оставался мало замеченным. Его работы, изданные в эмиграции, находились в спецхранах библиотек. Его бумаги, вывезенные из Праги в Москву в 1945 г., были полностью рассекречены только в 1989 г. Тогда же началось постепенное возвращение культурного наследия русской эмиграции на Родину, а вместе с ним – и творчества Е.Ф. Шмурло, ставшего предметом изучения постсоветских исследователей – Я.В. Боже, В.С. Брачева, Л.И. Деминой, М.В. Ковалева. Первым проанализировал его работы о российско-итальянских отношениях историк С.Г. Яковенко⁹¹, сам являющийся крупным специалистом в изучении контактов России и католической Европы. Интерес к работам Е.Ф. Шмурло неизменно проявляют все специалисты в области российско-итальянских связей⁹². Тем самым дело ученого продолжается, его труды по-прежнему вызывают научный интерес, а исследовательские сюжеты, намеченные им, несомненно, ждут своего продолжения.

⁹⁰ Саханев В.В. Указ. соч., с. 31.

⁹¹ См.: Яковенко С.Г. Евгений Францевич Шмурло и Русское историческое общество в Праге; *его же*. Работы российских и польских историков по изучению и публикации переписки папских нунциев в Польше. – Культурные связи России и Польши XI–XX вв. М., 1998; *его же*. Евгений Францевич Шмурло. – Историки-эмигранты. Вопросы русской истории в работах 1920-х–1930-х годов. М., 2002; *его же*. Павел Пирлинг (1840–1922), Евгений Шмурло (1853–1934) и их исследования по истории отношений между Россией и Святым Престолом (XV–XIX вв.). – Россия и Ватикан в конце XIX – первой трети XX века. СПб., 2003; *его же*. Материалы итальянских архивов и библиотек по истории Украины: изучение и публикация. – До джерел: Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського за ноги́ди його 70-річчя, т. 1. Київ – Львів, 2004.

⁹² См., например: Карданова Н.Б. Профессор Е.Ф. Шмурло – исследователь грамот Петра Великого к дожам Венеции. – Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, сер. гуманитарные науки, 2012, № 4; Ястребов А.О. Венецианский след в жизненном пути игумена Палладия Роговского. – Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, сер. 1. Богословие. Философия, 2014, № 4(54); *его же*. Обзор русско-венецианских связей в эпоху Петра I (1695–1722 гг.). – Известия Самарского научного центра РАН, т. 17, 2015, № 3, и др.